

«Идет суд. Я обязан выступить на нем...»

Уроки Юрия Домбровского

Моск. правда - 1998 -
10 февр. - с. 5.

Силуэты

Домбровского арестовывали четырежды; география его ссылок от Алма-Аты до Колымы и Тайшетского озера, который он сам определял просто - «страшный».

Нормальная жизнь была изуродована - она постоянно прерывалась, вычеркивалась, и эти зияния, этот неукоснительно настигающий пунктир не могли не сказаться на формировании писательской судьбы Домбровского. Они придали ей яростную, непреклонную нравственную непримиримость, негнимо желание сказать свое, несмотря ни на что... Всем внутренним строем своих книг Домбровский говорил с читателем, и современным, и будущим, о том, чему сам так хорошо и горько знал цену. Он писал об истинном и высоком, самоценном человеческом достоинстве, которое всегда борется с тем, что гнет его и коржит, о несовместимости «гения и злодейства», о верности себе и своему общественному, гражданскому предназначению.

Пафос его глубинен, он внутри этой прозы, ибо интонационно она ровна и сдержана. В ней много от ученого, от исследователя - хранителя и толмача «древностей». «Глагол времен», помянутый Державиным, почти не различимый для многих в толще веков, был ятен для Домбровского. В его прозе яственен постоянный, пронесенный через всю жизнь интерес к истории и то помноженное на личный, выстраданный опыт ее понимание, когда автор прекрасно отдает себе отчет в том, что минувшее всегда переходит и вращается в последующее, повторяясь и предостерегая... Потому, например, выдержка из любимого Домбровским Тацита - он постоянно был на его рабочем столе - выдержка, часто вспоминаемая им и приводимая, звучит нынче как прямая издательская аннотация к «Факультету ненужных вещей». Это слова о том, что гибель государства начинается с краха его законов, правосудия, что с человеком, лишенным их защиты, можно сделать все что угодно...

Да, рукописи не горят (особенно, если они напечатаны), но никому не отмерены два века, и каждый, как заметил Олдингтон, живет здесь и теперь... Если же эти «здесь» и «теперь» были такими, как у Юрия Домбровского, то, наверное, опыт и уроки подобной биографии стоят вдвойне дорогого. В них время, страна и - писательская гордость, писательская честь...

Уже в «Державине» (1939) заметен характерное для всего последующего Домбровского сопряжение Героя и Времени, глубинный - острый внутри! - раскол их нравственного взаимодействия, противоборства... В «Державине» впервые сказался, заявил о себе внутренний и публицистически заостренный автобиографизм прозы Домбровского, сопряжение своей личной судьбы с судьбами своих героев.

Соответственность категорий: Человек и Время, Личность

и Власть замыкалась в повести на человеческой биографии, ее выборе и ответственности, и акцент этот оставался неизменным, горячим и тревожным во всех последующих произведениях Домбровского. В «Державине» была явлена основа внутренней позиции писателя - непоколебимая вера в могущество человеческого разума и совести, бодрствующих и действенных, не взирая на любую тьму вокруг.

Об этом - и роман «Обезьяна приходит за своим черепом» (1959), выстроенный как философема и притчево заостренный... Пафос этого произведения сконцентрирован в словах главного его героя, профессора Леона Мезонье: «Прекрасен... человек и то, что творит его разум!»

Роман этот очень силен и активен в его негодующем нравственно-публицистическом поле, и создается оно противопоставлением, борьбой двух «полюсов». Один из них - credo профессора Мезонье, прозревшего в тиши своего кабинета суть фашистской идеологии; другой - умозаключение предателя Ланз, бывшего некогда вполне прогрессивным ученым: «Не тот прав, у кого мозга больше, а тот, у кого дубина тяжелее». Между этими полюсами и развивается внутренняя жизнь романа, вся его драматургия, очень важная для интеллектуального и нравственного «шага» прозы Домбровского, ее формирования и развития. Борьба двух этих начал метит тотчас же узнаваемым «авторским знаком» и «Обезьяну...», и «Хранителя древности», и «Факультет ненужных вещей»... Творчество Домбровского было в этом смысле настойчиво последовательным и неуклонным.

И к «Хранителю...», и к «Факультету...» могут быть с полным правом отнесены ответственные и весомые слова сына профессора Мезонье из эпизода «Обезьяны...»: «...Все происходящее в этом мире и в моей маленькой стране как части этого мира толкает меня на серьезные размышления, и вот уж мне некуда от них деться». Это - и про «Хранителя...», и про «Факультет...», хотя страна в них другая, наша, и события - тоже, увы, наши, те, если вспомнить «Обезьяну...», «провалы, черные угольные мешки, когда все живое, разумное, мыслящее... объявляется подлежащим уничтожению...»

Хранитель жил в романе «по вертикали» человеческого духа и культуры. Он ощущал далекое прошлое, как живое, - оно говорило с ним внятными и близкими языком. В этом родстве, этом преодолении земных плстов, толщи веков была своя теплота и своя вера, определяющая кодекс личной человеческой позиции. Подобный подход, живой, теплый и сострадающий человеку взгляд никак уж не могли устроить тех, кто плел вокруг «хранителя» свои петли... Ему и им никогда друг друга не понять, не толковать... Розно тут все; и в отличие от главного героя романа, его преследователи, обвинители живут отнюдь не «по вертикали» духа, смыкающей прошлое и настоящую любовью к человеческой судьбе, состраданием ей. Нет, эти, что примериваются и сжимают убийствен-

ное кольцо, живут в плоской «горизонталь» подозрений и измышлений, преследования самой человеческой свободной мысли, вдруг возмущительно не отвечающей «текущему моменту» - сегодняшним лозунгам и призывам, кумачовой пропаганде, дешевой и лживой... «Хранитель...» подводил и выводил к «Факультету ненужных вещей».

«Факультет...» видится мне вершиной творчества Юрия Домбровского... Как и всякая вершина, он неотделим от «склонов», что вели, поднимаясь, к нему. Он из тех же почв, тех же плстов и пород, но он - верхняя точка, пик.

Можно сказать, что Домбровский рвался написать «Факультет...» - он сел за него спустя три месяца по выходу в свет «Хранителя...» Работа жила одиннадцать лет...

«Факультет...» - прямое продолжение «Хранителя...», и фабульная интрига романа проста. Главного героя, «хранителя» Зыбина арестовывают за уплывшее из музея «археологическое золото», долго допрашивают, мучают, держат в карцерах и, наконец, освобождают - и золото нашлось, и внешние события повернулись таким образом, что в алмазских «органах» началась очередная чистка, полетели голы, и подследственные стали потихоньку выпускать.

В конце авторского «Послесловия» к «Факультету...» Домбровский говорит о том, почему он написал эту книгу... «Не написать ее я никак не мог. Мне была дана жизнью неповторимая возможность - я стал одним из сейчас (1975 год. - И.Ш.) уж не болно частых свидетелей величайшей трагедии нашей христианской эры. Как же я могу отойти в сторону и скрыть то, что видел, что знаю, то, что передумал? Идет суд. Я обязан выступить на нем. А об ответственности, будьте уверены, я давно уже предупрежден».

Здесь все - высокая и горькая правда и про суд, и про ответственность, о которой автор «Факультета...» давно уже предупрежден, и про (внимание!) - «величайшую трагедию нашей христианской эры»...

Последние слова - отнюдь не из разряда отвлеченной риторики; они имеют самое прямое отношение к тому, как за-

думан и внутренне сбалансирован, выстроен этот роман... Всем своим содержательным строем, нравственным светом, резким и ярким, «Факультет...» подводил читателя к своей последней, заключительной фразе. Вот она, прозвучавшая после всех мук и борьбы Зыбина, после прошедших перед нашими глазами фантастических фигур его мучителей, Неймана, Хрипушина и иже с ними...

«А случилась вся эта невеселая история в лето от рождения вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина - пятьдесят восьмое, а от рождения Христа в тысяча девятьсот тридцать седьмой недобрый, жаркий и чреватый страшным будущим год»... Ниже стоят только даты - 10 декабря 1964 - 5 марта 1975; роман кончается на этом, и в заключительной его фазе сведены как бы несколько тем.

Тема насилия, террора («А случилась эта невеселая история...»); тема личной ответственности за это насилие, когда верховный его виновник прямо назван («...в лето от рождения вождя народов...»); тема вечного, постоянного противостояния сил добра и зла, света и тьмы («... а от рождения Христа...»).

И сливаются они, наконец, в едином и очень мощном, «апокалиптическом» аккорде, провозглашающем гуманистическое и общечеловеческое значение романа: «...чреватый страшным будущим год»... Домбровский, прекрасно знающий тяжесть всего описанного им в «Факультете...», как и всегда, как и раньше, предостерегал, предвизил гибельные последствия падения человеческого права, набирающего размах и силу произвола!

Он оставался верен себе, упорно думая о свободе человеческого духа, о драматических, а то и трагических взаимоотношениях Творца и Власти... Об этом - «Смуглая леди сонетов», три новеллы о Шекспире, повествование о «простоте и неисчерпаемости обыкновенной человеческой души», как сформулировал сам Домбровский в авторском предисловии.

Намерение и замысел не остались незамеченными: «Смуглая леди сонетов» готовилась к печати дважды - в 1968 году ее набор был рассыпан...

Жизнь этого писателя, полная борьбы, страсти, упрямой верности себе подходила к концу, 29 мая 1978 года Юрия Домбровского не стало - в следующем году ему бы исполнилось девяносто лет.

Он прожил отмеренный ему многотрудной, тяжелой судьбой век, сумев переломить ее, переплавив в строчки своих книг, мудрых, горьких и мужественных... Из боли и лишений своих он создал независимую, гордую творческую биографию, свободную уже - навсегда! - от тех, что ломал и вычеркивал биографию личную.

Игорь ШТОКМАН.